

Цзи Нань полностью соответствовал своему нику в WeChat, излучая мощную ауру подросткового максимализма. Его семья владела отелем, и он был настоящим мажором. Обычно парни с такими данными и внешностью немного заносчивы, но Цзи Нань был исключением — он был просто сумасшедшим.

Именно он вчера в группе настаивал на том, чтобы Тао Хуайнань посмотрел видео вместе с ним.

— Ты действительно слышал, как я говорил так тихо? — спросил Тао Хуайнань, которого Цзи Нань, зажав шею, привёл в класс.

Утром учитель ещё не пришёл, и половина класса, увидев, как Тао Хуайнаня тащат таким образом, смеялась и наблюдала за происходящим.

— Конечно, у меня острый слух, — сказал Цзи Нань, бросив его на место и наконец отпустив.

Подруга Цзи Наня с улыбкой спросила:

— Зачем ты утром кого-то обижаешь?

— Он сам напросился, — ответил Цзи Нань, вернувшись на своё место и открыв рюкзак.

Он вдруг вспомнил, что не сделал домашнее задание, и начал срочно искать, у кого можно списать.

Тао Хуайнань долго приводил в порядок волосы, прежде чем вошёл Чи Чэн. Как только он сел, Тао Хуайнань спросил:

— Волосы растрёпаны?

Чи Чэн поправил их и сказал:

— Теперь всё в порядке.

— Ты меня утащил, а ты даже не защитил меня, Чи Чэн, ты изменился, — тихо пробормотал Тао Хуайнань, прижавшись к Чи Чэну.

Чи Чэн никогда не вмешивался в его нормальное общение. Парни в классе любили с ним общаться, и Чи Чэн был рад, что он хорошо ладит с другими. Это облегчало жизнь, не нужно было постоянно его опекать.

Тао Хуайнань каждый день сильно уставал от учёбы. Новые знания давались ему сложнее, чем обычным людям, поэтому общение и игры на переменах и в обеденный перерыв были для него полезны.

Но в классе была одна проблема — слишком много сладостей. Каждый, кто проходил мимо, бросал что-нибудь на их стол, и Тао Хуайнань, не глядя, брал и ел. Из-за этого к обеду он уже не хотел есть, а к вечеру снова голодал, и снова появлялись бесконечные сладости.

Со временем даже Чи Чэн, который обычно потакал ему в еде, начал беспокоиться.

За обедом Тао Хуайнань отодвинул свою тарелку к Чи Чэну и сказал:

— Я больше не могу.

Чи Чэн не стал его ругать и не заставлял есть, но после этого запретил ему есть сладости днём. Запретил и всё. В таких мелочах Тао Хуайнань никогда не сопротивлялся, если старший брат что-то запрещал, он слушался.

Вечером Тао Сяодун закончил работу раньше и позвонил дяде, сказав, что заедет за ними сам.

Как только Тао Хуайнань сел в машину, он осторожно спросил:

— Брат?

— О, у тебя зрение улучшилось? — рассмеялся Тао Сяодун. — Подсмотрел?

— Ну конечно! Машина же другая! — Тао Хуайнань потянулся вперёд, чтобы потрогать лицо брата. — У тебя лицо сухое, намажь кремом.

— Ты думаешь, я такой же, как ты? Мне не нужен детский крем, — сказал Тао Сяодун, завёл двигатель и спросил:

— Что хотите поесть?

— Всё равно, — ответил Тао Хуайнань, откинувшись на сиденье и тихо сказав Чи Чэну, что голоден.

Чи Чэн ответил:

— Голодай, раз не ешь нормально.

Тао Хуайнань только улыбнулся и промолчал.

Брат готовил не очень вкусно, и Тао Хуайнань теперь редко ел его еду. Дома обычно готовил Чи Чэн. Тао Хуайнань не был привередлив, кроме нескольких видов зелени, и его еда была простой — например, лапша, которую он всегда ел с удовольствием.

Брат ел слишком быстро, всегда съедал всё в мгновение ока, и Тао Хуайнань начинал нервничать, спрашивая:

— У тебя дела?

— Нет, — ответил Тао Сяодун. — Никаких дел.

— Тогда зачем ты так спешишь! — Тао Хуайнань съел ложку того, что Чи Чэн положил ему в тарелку, кисло-сладкое, и это было довольно вкусно. — Ты меня нервируешь!

— Ладно, кушай медленно, — улыбнулся Тао Сяодун, положив ему ещё еды. — Ешь, не торопись.

Тао Сяодун действительно ел быстро. Раньше на него давило множество дел, и у него не было времени есть медленно. Даже когда он был менее занят, привычка осталась. Он был просто человеком с горячим характером. Тао Хуайнань был другим. Из-за своей слепоты он всё делал осторожно, а осторожность требовала времени.

Братья были полными противоположностями: один торопился, другой делал всё медленно. Чи Чэн находился где-то посередине, ведя себя более нормально.

У Тао Сяодуна зазвонил телефон, и он, откинувшись на спинку кресла, ответил.

Тао Хуайнань всё ещё говорил с Чи Чэном о том, что он только что съел, спрашивая, что это было.

Чи Чэн ответил, что это рыба.

Они продолжали есть и разговаривать, когда Тао Хуайнань услышал, как брат сказал:

— Да брось, брат, мне это неинтересно.

Уши Тао Хуайнаня моментально насторожились. Его слух был острее, чем у других, и он мог разобрать голос в трубке.

Человек на другом конце провода сказал:

— Он давно о тебе думает, постоянно просит меня спросить. Ты же его видел, он действительно хорош.

Тао Сяодун прервал его:

— Не в этом дело, у меня просто нет времени, посмотри, как я занят.

— Занят или нет, но жить-то нужно, — посмеялся собеседник. — Жизнь не должна управлять тобой.

— Что делать, у меня куча дел, нет времени на такие глупости, — сказал Тао Сяодун, сделав глоток чая.

— Я не говорю, что ты должен что-то делать, просто поговори, познакомься, если подойдёт — попробуй, если нет — забудь. Я знаю Сяо Шао много лет, у него раньше были отношения, но они закончились, и он до сих пор один. Он такой красивый.

Тао Хуайнань моргнул и продолжил есть.

Разговор брата длился довольно долго, и он закончился только тогда, когда оба младших закончили есть.

Суть была в том, что человек на другом конце провода уговаривал Тао Сяодуна познакомиться с Сяо Шао, но Тао Сяодун так и не согласился. Тао Хуайнань, с его острым слухом, услышал весь разговор. Сяо Шао был дизайнером, ему было чуть за тридцать, и он был талантливым молодым человеком.

На самом деле, Тао Хуайнань уже давно беспокоился о личной жизни брата. Брату уже за тридцать. Даже не говоря о женитьбе, у него до сих пор не было постоянного партнёра. Тао Хуайнань несколько раз спрашивал его об этом, но брат говорил, что не торопится.

Он не торопился, а Тао Хуайнань волновался. Он боялся, что брат не заводит отношения, потому что хочет полностью посвятить себя ему.

Но этот разговор дал ему много информации, и, судя по всему, Сяо Шао был мужчиной.

Маленькая лисичка услышала весь разговор, но не стала спрашивать, сделав вид, что ничего не знает.

По дороге домой, сидя в машине, он думал о друзьях брата, о Тянь И и Ся Юане, о тех, кто был близок с братом. Но он не мог понять, кто из них мог быть чем-то больше, чем просто друг.

Даже вернувшись домой и приняв душ, Тао Хуайнань продолжал думать о личной жизни брата, беспокоясь, что этот старый холостяк так и останется один. В принципе, это было маловероятно. Брат был красив, Тао Хуайнань, хоть и не видел, но мог нащупать, что у всех в их семье были красивые черты лица, высокие носы. Тао Сяодун был ещё и богат, независимо от того, действительно ли он зарабатывал столько, сколько говорил, но у него был большой магазин, так что бедным он точно не был. Такой мужчина не должен был оставаться без внимания.

— Ты что, моргаешь, о чём думаешь? — спросил Чи Чэн.

— Когда же брат найдёт себе пару? — прошептал Тао Хуайнань, боясь, что брат услышит его в соседней комнате.

Чи Чэн вздохнул:

— Не трать время на это.

— Почему это пустая трата времени? — Тао Хуайнань сидел, скрестив ноги, положив руки на колени, и продолжал размышлять. — Брату так одиноко.

На этом их мысли разошлись. Чи Чэн, с его грубыми нервами, не мог понять тонкие переживания Тао Хуайнаня. Ему казалось, что брат вполне счастлив.

Каждый занимался своим делом: Тао Хуайнань сидел на кровати, переживая за брата, а Чи Чэн учился за столом.

Тао Сяодун был в своей комнате, ничего не зная о заботах и переживаниях младшего брата, и болтал в группе с Тянь И и другими.

Когда Чи Чэн закончил делать задание, Тао Хуайнань всё ещё сидел в той же позе, словно медитировал.

— Тебе пора спать, — сказал Чи Чэн, убрав стол и выйдя помыть руки.

Когда он вернулся, Тао Хуайнань уже лежал в постели.

Чи Чэн лёг, и Тао Хуайнань сразу прижался к нему.

— Спи, — сказал Чи Чэн.

Тао Хуайнань сначала кивнул, но потом не смог сдержаться и сказал:

— Мне жалко брата.

— Брату не нужна твоя жалость, — Чи Чэн положил руку на глаза Тао Хуайнаня, заставляя его закрыть их. — Думай о себе.

— Я не переживаю, — сказал Тао Хуайнань, моргая под рукой Чи Чэна. — У меня есть ты, о чём мне беспокоиться?

Чи Чэн:

— Ты будешь спать или нет? Если завтра не проснёшься, не ной.

— Ладно, сплю, — Тао Хуайнань закрыл глаза и тихо сказал:

— Всё, уже засыпаю.

<http://bllate.org/book/16228/1458339>